
В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

Л. Е. ГРИНИН

Лекция: РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ВОПРОСА

Роль личности в истории как философско-историческая проблема

Осмысление хода истории неизбежно вызывает вопросы о роли в ней той или иной личности: изменила ли она ход истории; было ли неизбежным такое изменение или нет; что случилось бы без этого деятеля? И т. п. Из очевидной истины, что именно люди делают историю, вытекает важная проблема философии истории *о соотношении закономерного и случайного*, которая, в свою очередь, тесно связана с вопросом о роли личности. В самом деле, жизнь любого человека всегда соткана из случайностей: рождается он в тот или иной момент, вступит в брак с тем партнером или другим, умрет рано или будет жить долго и т. п.¹ С одной стороны, мы знаем огромное число случаев, когда смена личностей (даже при таких драматических обстоятельствах, как череда убийств монархов и переворотов) не влекла решающих перемен. С другой стороны, бывают обстоятельства, о которых сказано далее, когда даже мелочь может стать решающей. Таким образом, уловить, от чего зависит роль личности: от нее самой, исторической ситуации, исторических законов, случайностей или от всего сразу, и в какой комбинации, и как именно, – очень сложно.

В любом случае важно понимать, что случайность, совершившись, перестает быть случайностью и превращается в данность,

¹ Это давно известный исторический парадокс Блеза Паскаля (1623–1662) о «носе Клеопатры», сформулированный так: «Будь он чуть покороче – облик Земли стал бы иным». То есть если бы нос этой царицы был иной формы, Антоний не увлекся бы ею, не проиграл битву Октавиану, и римская история развивалась бы иначе. Как во всяком парадоксе, в нем есть большое преувеличение, но все же и некоторая доля истины тоже.

которая в большей или меньшей степени начинает влиять на будущее. Поэтому когда какая-то личность появляется и закрепляется в определенной роли (тем самым затрудняя или облегчая приход других), «случайность перестает быть случайностью именно потому, что налицо данная личность, которая накладывает отпечаток на события... определяя, как они будут развиваться» (Лабриола 1960: 183).

Непредопределенность исторических событий, альтернативность будущего и проблема роли личности. Современная наука в целом отвергает идею предопределенности (предзаданности) исторических событий. Выдающийся французский социолог и философ Р. Арон, в частности, писал: «Тот, кто утверждает, будто индивидуальное историческое событие не было бы иным, если бы даже один из предшествующих элементов не был тем, чем он в действительности был, должен доказать это утверждение» (Арон 1993: 506). А раз исторические события не являются предопределенными, то и будущее имеет множество альтернатив и способно измениться в результате деятельности различных групп и их лидеров, оно также зависит от действий самых разных людей, например ученых. *Следовательно, проблема роли личности в истории для каждого поколения всегда актуальна.* И она очень актуальна в век глобализации, когда влияние определенных людей на весь мир может возрасти.

Цели и результаты. Формы влияния. Личность – при всей ее потенциально важной роли – очень часто не в состоянии предвидеть даже ближайшие, не говоря уже об отдаленных, последствия своей деятельности, поскольку исторические процессы очень сложны, и со временем открывается все больше непредвиденных следствий произошедших событий. При этом человек может оказать значительное влияние не только действиями, но и бездействием, не только прямо, но и косвенно, в период его жизни или даже после смерти, а заметный след в истории и дальнейшем развитии обществ может быть не только положительным, но и отрицательным, а также – достаточно часто – однозначно и навсегда не определяемым, тем более что оценка личности зависит от политических и национальных пристрастий.

Диалектические трудности проблемы. С позиций провиденциализма, то есть если признавать реальной некую внеисторическую силу (бога, судьбу, «железные» законы и т. п.), вполне логично считать личности орудиями истории, благодаря которым просто

реализуется некая предначертанная программа. Однако в истории слишком много событий персонифицировано, и поэтому роль личности нередко оказывается исключительно значимой. «Роль личностей и случайностей в исторических событиях является первым и непосредственным элементом» (Арон 1993: 506). Поэтому, с одной стороны, именно действия лидеров (а иногда даже и некоторых рядовых людей) определяют исход противоборства и судьбу разных тенденций в критические периоды. Но с другой – нельзя не заметить обусловленность роли личностей общественным устройством, а также особенностью ситуации: в одни периоды (нередко длительные) мало выдающихся людей, в другие (часто весьма короткие) – целые когорты. Люди титанического склада характера терпят неудачу, а ничтожества оказывают гигантское влияние. Роль личности, к сожалению, далеко не всегда пропорциональна интеллектуальным и моральным качествам самой этой личности. Как писал К. Каутский, «под такими выдающимися личностями не обязательно нужно подразумевать величайших гениев. И посредственности, и даже стоящие ниже среднего уровня, а также дети и идиоты могут стать историческими личностями, если им попадает в руки большая власть» (Каутский 1931: 687).

Г. В. Плеханов считал, что роль личности и границы ее деятельности определяются организацией общества, и «характер личности является “фактором” такого развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (Плеханов 1956: 322). В этом есть немалая доля истины. Однако если характер общества дает простор произволу (случай в истории очень распространенный), то плехановское положение не работает. В такой ситуации развитие нередко становится очень зависимым от желаний и личных качеств правителя или диктатора, который и станет концентрировать силы общества в нужном ему русле.

Развитие взглядов на роль личности в истории²

Представления о роли личности в истории до середины XVIII в. Историография возникла не в последнюю очередь из по-

² Общий контекст развития представлений зарождающихся взглядов по теории, философии и методологии истории соответствующих периодов см.: Гринин, Л. Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекции 1–9 // Философия и общество. – 2010. – № 1. – С. 167–203; № 2. – С. 151–192; № 3. – С. 162–199; № 4. – С. 145–197; см. также: Он же. От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

требности описать великие деяния правителей и героев. Но поскольку теории и философии истории долгое время не было, то проблема роли личности в качестве самостоятельной не рассматривалась. Лишь в нечетком виде она затрагивалась вместе с вопросом о том, имеют ли люди свободу выбора или все предопределено заранее волею богов, судьбою и т. п.?

Античность. Древние греки и римляне в большинстве своем смотрели на будущее фаталистично, так как считали, что судьбы всех людей предопределены заранее. В то же время греко-римская историография была в основном гуманистической, поэтому наряду с верой в судьбу в ней вполне заметна идея, что от сознательной деятельности человека зависит очень многое. Об этом свидетельствуют, в частности, описания судеб и деяний политиков и полководцев, оставленные такими античными авторами, как Фукидид, Ксенофонт и Плутарх.

Средние века. Иначе и в определенной мере более логично (хотя, конечно, неверно) проблему роли личности решили в средневековой теологии истории. Согласно этому взгляду исторический процесс недвусмысленно рассматривался как реализация не человеческих, а божественных целей. История, по представлениям Августина и более поздних христианских мыслителей (и периода Реформации XVI в., таких как Жан Кальвин), осуществляется по изначально имеющемуся божественному плану. Люди только воображают, что действуют согласно своим воле и целям, а на самом деле Бог избирает некоторых из них для реализации своего замысла. Но поскольку Бог действует через избранных им людей, то понять роль этих людей, как отмечает Р. Коллингвуд, означало отыскать намеки на замысел Бога. Вот почему интерес к роли личности в истории в определенном аспекте приобретал особую значимость. И объективно поиск более глубоких причин, чем желания и страсти людей, способствовал развитию философии истории.

В период **Возрождения** гуманистический аспект истории вышел на первый план, поэтому и вопрос о роли личности – правда, не как проблема чистой теории – занял заметное место в рассуждениях гуманистов. Интерес к биографиям и деяниям великих людей был очень высоким. И хотя роль Провидения по-прежнему признавалась ведущей в истории, в качестве важнейшей движущей силы признается и деятельность выдающихся людей. Это видно, например, из работы Н. Макиавелли «Государь», в которой он считает,

что от целесообразности политики правителя, от его способности использовать нужные средства, включая самые аморальные, зависит успех его политики и в целом ход истории. Макиавелли был одним из первых, кто подчеркнул, что в истории важную роль играют не только герои, но нередко и беспринципные деятели.

В период **XVI и XVII вв.** растет вера в новую науку, в истории также пытаются найти законы, что было важным шагом вперед. В итоге постепенно вопрос о свободе воли человека решается более логично на основе деизма: роль Бога полностью не отрицается, но как бы ограничивается. Иными словами, Бог создал законы и дал Вселенной первотолчок, но поскольку законы вечны и неизменны, человек свободен действовать в рамках этих законов. Однако в целом в XVII в. проблема роли личности не была среди важных. Рационалисты не формулировали свой взгляд на нее достаточно определенно, но с учетом их представлений о том, что общество есть механическая сумма индивидов, они признавали большую роль выдающихся законодателей и государственных деятелей, их способность преобразовать общество и изменить ход истории.

Развитие взглядов на роль личности в XVIII–XIX вв.

В период **Просвещения** возникла философия истории, согласно которой естественные законы общества базируются на вечной и общей природе людей. Вопрос о том, в чем заключается эта природа, решался по-разному. Но господствовало убеждение, что общество можно перестроить согласно этим законам на разумных началах. Отсюда признавалась высокая роль личности в истории. Просветители считали, что выдающийся правитель или законодатель мог сильно и даже радикально изменить ход истории. Например, Вольтер в своей «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» изображал Петра I как некоего демиурга, насаждающего культуру в совершенно дикой стране³. В то же время нередко выдающихся людей (особенно религиозных деятелей – по причине идейной борьбы с церковью) эти философы изображали

³ «Это варвар, который сотворил людей», – писал он о Петре императору Фридриху II (см.: Мезин 2003: Гл. III). Вольтер писал на самые различные темы (причем исторические сюжеты не являлись ведущими). Среди его произведений есть и «История Российской империи в царствование Петра Великого». Иным рисует Петра, например, русский историк С. М. Соловьев: народ поднялся и готов был в дорогу, то есть к переменам, нужен был вожь, и он явился (Соловьев 1989: 451).

в гротесковом виде, как обманщиков и плутов, сумевших своей хитростью повлиять на мир⁴. Просветители не понимали, что личность не может возникнуть ниоткуда, она должна в какой-то мере соответствовать уровню общества. Следовательно, *личность может быть адекватно понята только в той среде, в которой она могла появиться и проявить себя*. В противном случае напрашивается заключение о слишком большой зависимости хода истории от случайного появления гениев или злодеев. Но в смысле развития интереса к теме роли личности просветители сделали много. Именно с периода Просвещения она становится одной из важных теоретических проблем.

Взгляд на личности как на орудия исторической закономерности

В первые десятилетия XIX в., в период господства романтизма, происходит поворот в трактовке вопроса о роли личности. Представления об особой роли мудрого законодателя или основателя новой религии на пустом месте сменились подходами, которые ставили личность в соответствующее историческое окружение. Если просветители пытались объяснить состояние общества законами, которые издавали правители, то романтики, наоборот, выводили правительственные законы из состояния общества, а изменения в его состоянии объясняли историческими обстоятельствами (см.: Шапиро 1993: 342; Косминский 1963: 273). Романтики и представители близких им направлений мало интересовались ролью исторических личностей, так как основное внимание они уделяли «народному духу» в разные эпохи и в его различных проявлениях. Для развития проблемы роли личности немало сделали французские историки-романтики времен Реставрации (Ф. Гизо, О. Тьерри, А. Тьер, Ф. Минье и более радикальный Ж. Мишле). Однако они ограничивали эту роль, считая, что великие исторические деятели могут только ускорить или замедлить наступление того, что неизбежно и необходимо. И по сравнению с этим необходимым все усилия великих личностей выступают лишь как малые причины развития. Фактически такой взгляд был усвоен и марксизмом.

⁴ Например, П. А. Гольбах (1963 [1770]) характеризовал Мухаммеда как сластолюбивого, честолюбивого и хитрого араба, плута, энтузиаста, красноречивого оратора, благодаря которому изменились религия и нравы значительной части человечества, и ни слова не писал о других его качествах.

Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) в целом ряде моментов, в том числе в отношении роли личности, высказывал во многом сходные с романтиками взгляды (но, естественно, были и существенные отличия). Исходя из своей провиденциалистской теории, он считал, что «все действительное разумно», то есть служит осуществлению необходимого хода истории. Гегель является, по мнению некоторых исследователей, основателем теории «исторической среды» (см.: Раппопорт 1899: 39), важной для проблемы роли личности. В то же время он сильно ограничивал значение исторических личностей в смысле их влияния на ход истории. Согласно Гегелю, призвание «всемирно-исторических личностей заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа» (Гегель 1935: 30). Вот почему он считал, что великая личность не может сама творить историческую реальность, а лишь раскрывает *неизбежное* будущее развитие. Дело великих личностей – понять необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию. Однако так ли «необходимыми», а главное, «разумными» были появление, например, Чингисхана и последовавшие за этим разрушения и гибель стран (хотя вместе с этим в будущем возникло и немало положительных следствий в результате образования монгольских империй)? Или появление Гитлера и возникновение германского нацистского государства и развязанная им Вторая мировая война? Словом, в таком подходе многое противоречило реальной исторической действительности.

Попытки увидеть за канвой исторических событий глубинные процессы и законы были важным шагом вперед. Однако на длительное время зародилась тенденция преуменьшать роль личности, утверждая, что в результате закономерного развития общества при потребности в том или ином деятеле одна личность всегда заменит другую.

Л. Н. Толстой как выразитель исторического провиденциализма. Едва ли не сильнее Гегеля идеи провиденциализма выразил Л. Н. Толстой в своих знаменитых философских отступлениях в романе «Война и мир». Согласно Толстому, значение великих людей только кажущееся, на самом деле они – лишь «рабы истории», осуществляющейся по воле Провидения. «Чем выше стоит человек на общественной лестнице... чем больше власти он имеет... тем

очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка», – утверждал он.

Противоположные взгляды на роль личности в XIX в. Английский философ Томас Карлейль (1795–1881) был одним из тех, кто вернулся к идее выдающейся роли личностей, «героев» в истории. Одно из самых известных его произведений, оказавших очень сильное влияние на современников и потомков, так и называлось – «Герои и героическое в истории» (1840). Согласно Карлейлю, всемирная история есть биография великих людей. Карлейль и сосредоточивается в своих работах на тех или иных личностях и их роли, проповедует высокие цели и чувства, пишет целый ряд блестящих биографий. О массах он говорит гораздо меньше. По его мнению, массы нередко только орудие в руках великих личностей. По Карлейлю, существует своего рода исторический круг, или цикл. Когда героическое начало в обществе ослабевает, тогда наружу могут вырваться скрытые разрушительные силы массы (в революциях и восстаниях), и они действуют, пока общество вновь не обнаружит в себе «истинных героев», вождей (таких как Кромвель или Наполеон).

Марксистский взгляд наиболее систематически изложен в работе Г. В. Плеханова (1856–1918) «К вопросу о роли личности в истории». Хотя марксизм решительно порвал с теологией и объяснял ход исторического процесса материальными факторами, однако он многое унаследовал от объективной идеалистической философии Гегеля в целом и в отношении роли личности в частности. Маркс, Энгельс и их последователи считали, что исторические законы инвариантны, то есть реализуются при любых обстоятельствах (максимум вариации: немного раньше или позже, легче или тяжелее, более или менее полно). В такой ситуации роль личности в истории представляла небольшой. Личность может, по выражению Плеханова, лишь наложить индивидуальный отпечаток на неизбежный ход событий, ускорить или замедлить реализацию исторического закона, но не в состоянии ни при каких обстоятельствах изменить запрограммированный ход истории. И если бы не было одной личности, то ее непременно бы заменила другая, которая выполнила бы ровно ту же историческую роль.

Такой подход фактически базировался на идеях неизбежности осуществления законов (действующих вопреки всему, с «железной необходимостью»). Но таких законов нет и быть не может в исто-

рии, поскольку общества в мировой системе играют разную функциональную роль, которая нередко зависит от способностей политиков. Если посредственный правитель промедлит с реформами, его государство может попасть в зависимость, как, например, случилось в Китае в XIX в. В то же время проведенные правильно реформы способны превратить страну в новый центр силы (так, Япония в это же время сумела перестроиться и сама стала делать захваты).

Кроме того, марксисты не учитывали, что личность не только действует в определенных обстоятельствах, но, когда обстоятельства позволяют, в известной мере творит их согласно собственным пониманию и особенностям. Например, в эпоху Мухаммеда в начале VII в. арабские племена чувствовали потребность в новой религии. Но какой она могла стать в своем реальном воплощении, во многом зависело уже от конкретной личности. Иными словами, появившись другой пророк, даже при его успехе религия была бы уже не исламом, а чем-то другим, и сыграли бы тогда арабы столь выдающуюся роль в истории, можно только гадать.

Наконец, многие события, включая *социалистическую* революцию в России (именно ее, а не вообще революцию в России), надо признать результатом, который мог бы и не осуществиться без совпадения ряда случайностей и выдающейся роли Ленина (в известной мере и Троцкого).

В отличие от Гегеля в марксизме во внимание принимаются уже не только положительные, но и отрицательные деятели (первые могут ускорить, а вторые – замедлить реализацию закона). Однако оценка «положительной» или «отрицательной» роли существенно зависела от субъективной и классовой позиции философа и историка. Так, если революционеры считали Робеспьера и Марата героями, то более умеренная публика рассматривала их как кровавых фанатиков.

Попытки найти иные решения. Итак, ни детерминистско-фаталистические теории, не оставляющие творческой исторической роли личностям, ни волонтаристские теории, которые считают, что личность может изменить ход истории, как ей угодно, не решали проблему. Постепенно философы отходят от крайних решений. Давая оценку господствующим течений философии истории, философ Х. Раппопорт (1899: 47) писал в самом конце XIX в., что помимо двух вышеуказанных есть и третье возможное решение: «Личность есть как причина, так и продукт исторического раз-

вития... это решение, в его общей форме, кажется наиболее близким к научной истине...» В целом это был верный подход. Поиск некоей золотой середины позволял увидеть разные аспекты проблемы. Однако все же такой средний взгляд многого не объяснял, в частности когда и почему личность может оказывать значительное, решающее воздействие на события, а когда – нет⁵.

Появились также теории, которые пытались использовать для решения проблемы роли личности законы входившей в моду биологии, особенно дарвинизма и генетики (например, американские философ У. Джеймс [James 2005 (1980)] и социолог Ф. Вудс [Woods 1913]).

Теория Михайловского. Личность и массы. В последней трети XIX в. – начале XX в. идеи личности-одиночки, способной совершить благодаря силе своего характера и интеллекта невероятные вещи, в том числе повернуть ход истории, были очень распространены, особенно среди революционно настроенных молодых людей. Это сделало популярным вопрос роли личности в истории, в формулировке Т. Карлейля, взаимоотношений «героя» и массы (в частности, стоит отметить «Исторические письма» революционера-народника П. Л. Лаврова). Существенный вклад в развитие этой проблемы внес Н. К. Михайловский (1842–1904). В своей работе «Герои и толпа» он формулирует новую теорию и показывает, что под личностью можно понимать не обязательно выдающуюся, а в принципе любую личность, которая волей случая оказалась в определенной ситуации во главе или просто впереди массы. Михайловский в отношении исторических личностей не развивает подробно эту тему. Его статья скорее имеет психологический аспект. Смысл идей Михайловского состоит в том, что личность вне зависимости от ее качеств может в определенные моменты резко усилить своими эмоциональными и иными действиями и настроениями толпу (аудиторию, группу), отчего все действие приобретает особую силу. Словом, роль личности зависит от того, насколько ее психологическое воздействие усиливается восприятием массы. В чем-то похожие выводы (но существенно дополненные за счет его марксистской классовой позиции и касающиеся уже более или менее организованной массы, а не толпы) позже сделал К. Каутский.

⁵ Близким к «среднему» взгляду и решению оказался и подход известного русского социолога Н. И. Кареева, изложенный в его объемной работе «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (Кареев 1890; второе издание – 1914).

Сила личности в разных ситуациях. Михайловский и Каутский верно уловили этот социальный эффект: сила личности возрастает в колоссальных размерах, когда за ней идет масса и тем более когда эта масса организована и сплочена. Но диалектика взаимоотношения личности и массы все же существенно сложнее. В частности, важно понять, является ли личность только выразителем настроений массы или, напротив, масса инертна, и личность может направлять ее?

Сила личностей нередко напрямую связана с мощью организаций и групп, которые она представляет, а наибольших успехов при этом добивается именно тот, кто лучше сплачивает своих сторонников. Но это вовсе не отменяет факта, что именно от личных особенностей лидера порой зависит, куда повернет эта общая сила. Поэтому роль лидера в такой ответственный момент (сражение, выборы и пр.), степень его соответствия роли имеет, можно сказать, определяющее значение, поскольку, как писал А. Лабриола (1960: 183), само сложное переплетение условий приводит к тому, что «в критические моменты определенные личности, гениальные, героические, удачливые или преступные, призываются сказать решающее слово».

Сравнивая роль масс и личностей, мы видим: на стороне первых – численность, эмоции, отсутствие персональной ответственности. На стороне вторых – осознанность, цель, воля, план. Поэтому можно сказать, что **при прочих равных условиях роль личности наибольшей будет тогда, когда преимущества масс и лидеров соединятся в одну силу.** Оттого расколы так уменьшают мощь организаций и движений, а наличие соперничающих лидеров может вообще свести ее к нулю. Итак, несомненно, что значение деятелей определяет много факторов и причин. Таким образом, развивая эту проблему, мы уже перешли к анализу современных взглядов.

Современные взгляды на роль личности

Прежде всего следует сказать о книге американского философа С. Хука «Герой в истории. Исследование пределов и возможностей» (Hook 1955 [1943]), которая стала заметным шагом вперед в развитии проблемы. Эта монография до сих пор является наиболее серьезным произведением на исследуемую тему. В частности, Хук приходит к важному выводу, который существенно объясняет, почему роль личности может колебаться в разных условиях. Он отме-

чает, что, с одной стороны, деятельность личности, действительно, ограничена обстоятельствами среды и характером общества, но с другой – роль личности существенно повышается (до состояния, когда она становится независимой силой), когда в развитии общества появляются альтернативы. При этом он подчеркивает, что в ситуации альтернативности от качеств личности может зависеть и выбор альтернативы. Хук не дает классификацию таких альтернатив и не связывает наличие альтернатив с состоянием общества (стабильное – нестабильное), но ряд приведенных им примеров касается наиболее драматических моментов (революций, кризисов, войн).

В главе 9 Хук делает важное различие между историческими деятелями по степени их воздействия на ход истории, деля их на людей, влияющих на события, и людей, создающих события. Хотя Хук четко не разделяет личности по объему их влияния (на отдельные общества, на человечество в целом), тем не менее Ленина он относил к людям, создающим события, поскольку в определенном отношении тот значительно изменил направление развития не только России, но и всего мира в XX в.

Хук справедливо придает большое значение случайностям и вероятностям в истории и их тесной связи с ролью личности, в то же время он резко выступает против попыток представить всю историю как волны случайностей.

Во второй половине XX – начале XXI в. можно выделить следующие основные направления исследования проблемы:

1. Привлечение методов и теорий междисциплинарных направлений. В 50–60-е гг. XX в. окончательно сформировался **системный подход**, который потенциально открывал возможность взглянуть на роль личности по-новому. Но более важными тут оказались **синергетические исследования**. Синергетическая теория (И. Пригожин, И. Стенгерс и др.) различает два главных состояния системы: порядка и хаоса. Эта теория потенциально помогает углубить понимания роли личности. В отношении общества ее подходы можно интерпретировать следующим образом. В состоянии порядка система/общество не допускает существенной трансформации. Зато хаос – несмотря на негативные ассоциации – часто означает для нее возможность перейти в другое состояние (как на более высокий, так и на более низкий уровень). Если скрепляющие общество связи/институты ослаблены или разрушены, оно какое-то время находится в очень неустойчивом положении. Это особое со-

стояние в синергетике получило название «бифуркация» (развилка). В точке бифуркации (революции, войны, перестройки и т. п.) общество может повернуть в ту или иную сторону под влиянием различных, даже незначительных в целом причин. Среди этих причин почетное место занимают те или иные личности.

2. Рассмотрение вопроса о роли личности в аспекте проблемы законов истории или в контексте тех или иных направлений исследования и подходов. Среди многих авторов, так или иначе касающихся этих вопросов, следует назвать философов У. Дрея, К. Гемпеля, Э. Нагеля, К. Поппера, экономиста и философа Л. фон Мизеса и др., причем между некоторыми из них в конце 1950-х – начале 1960-х гг. велись интересные дискуссии вокруг проблем детерминизма и законов истории⁶.

Среди не особенно многочисленных попыток развить теорию роли личности можно упомянуть статью известного польского философа Л. Новака «Класс и личность в историческом процессе». Новак пытается анализировать роль личности через призму новой теории классов, которая являлась частью созданного им немарксистского исторического материализма. Ценно, что он пытается рассматривать роль личности в широком аспекте исторического процесса, строит модели влияния личности в зависимости от политического режима и классовой структуры общества. В целом Новак полагает, что роль личности, даже выдающейся, в историческом процессе не особенно велика, с чем трудно согласиться. Достаточно интересной и верной, хотя и не принципиально новой, является его мысль, что сама по себе личность как индивид не способна значительно повлиять на ход исторического процесса, если эта личность не находится на пересечении с какими-то иными факторами – параметрами исторического процесса (Nowak 2009: 82).

Общеизвестна роль выдающихся людей в процессе образования государств, создания религий, цивилизаций; роль выдающихся людей в культуре, науке, изобретениях и т. п. К сожалению, специальных исследований в этом отношении на удивление мало. В то

⁶ В рамках дискуссий о законах истории высказывались и некоторые мысли о роли личности (в частности, о мотивах поступков исторических деятелей и соотношении мотивов и результатов). Часть наиболее интересных статей, например, У. Дрея, К. Гемпеля, М. Мандельбаума – что, конечно, неудивительно – была опубликована в сборнике под редакцией Сидни Хука (Hook 1963). Часть этих обсуждений была опубликована на русском языке в работе «Философия и методология истории» (Кон 1977).

же время можно назвать немало авторов, которые при анализе процессов образования государств и развития цивилизаций высказывали интересные идеи о роли личности. Такие идеи дают возможность расширить наши представления о роли личности в разные периоды, в разных обществах и особых эпохах. В частности, в этом плане следует отметить ряд представителей неоэволюционистского направления политической антропологии: М. Салинза, Э. Сёрвиса, Р. Карнейро, Х. Классена – относительно роли личности в процессе образования и эволюции вождеств и государств.

3. В последние десятилетия активно развивается так называемая **альтернативная**, или **контрфактуальная, история** (от англ. counterfactual – предположение от обратного), которая отвечает на вопросы о том, что было бы, если бы не было той или иной личности. Она исследует гипотетические альтернативы при несуществующих сценариях, например при каких условиях Германия и Гитлер могли выиграть Вторую мировую войну, что было бы, если бы умер Черчилль, Наполеон выиграл битву при Ватерлоо и т. п.

4. Анализ роли личностей в разных ситуациях исходит из идеи, что историческая роль личности может колебаться от незаметной до громаднейшей в зависимости от самых разных условий и обстоятельств, а также от особенностей исследуемого места, времени и индивидуальных черт личности.

Учет того, какие моменты, когда и как воздействуют на роль личностей, позволяет рассматривать эту проблему наиболее полно и системно, а также моделировать разные ситуации (см. ниже). Например, роль личности в монархических (авторитарных) и демократических обществах имеет различия. В авторитарных обществах очень многое зависит от индивидуальных черт и случайностей, связанных с монархом (диктатором) и его окружением, а в демократических – за счет системы сдержек и противовесов во власти и сменяемости правительства – роль личности в целом меньше.

Отдельные интересные замечания о различиях в силе влияния личностей в разных по стабильности состояниях общества (устойчивые и переломные неустойчивые) можно найти в работах А. Грамши, А. Лабриолы, Дж. Неру, А. Я. Гуревича и др. Эту идею можно сформулировать так: *чем менее прочно и устойчиво общество и чем сильнее разрушены старые конструкции, тем большее влияние на него может оказать отдельная личность. Другими словами, роль личности обратно пропорциональна стабильности и прочности общества.*

В современной общественной науке выработано и специальное понятие, которое объединяет воздействие всех типичных причин, – «**фактор ситуации**». Он складывается: а) из особенностей среды, в которой действует личность (общественный строй, традиции, задачи); б) состояния, в котором находится в определенный момент общество (устойчивое, неустойчивое, идет на подъем, под уклон и т. п.); в) особенностей окружающих обществ; г) особенностей исторического времени; д) из того, происходили ли события в центре мировой системы или на ее периферии (первое увеличивает, а второе уменьшает влияние определенных личностей на другие общества и исторический процесс в целом); е) благоприятности момента для действий; ж) особенностей самой личности и потребности момента и обстановки именно в таких качествах; з) наличия конкурентных деятелей.

Чем больше из указанных пунктов благоприятствует личности, тем важнее может быть ее роль.

5. Моделирование позволяет представить изменения в обществе как **процесс смены его фазовых состояний, причем в каждом состоянии роль личности существенно меняется**⁷. В качестве примера можно привести модель такого процесса, состоящего из 4 фаз: 1) стабильное общество типа монархии; 2) общественный предреволюционный кризис; 3) революция; 4) создание нового порядка (см. также схему ниже).

В первой фазе – в течение относительно спокойной эпохи – роль личности хотя и существенна, но все же не слишком велика (хотя в абсолютных монархиях все, что касается монарха, может стать очень важным, особенно во второй фазе).

Вторая фаза возникает, когда строй начинает клониться к закату. Если решение неудобных для власти вопросов оттягивается, возникает кризис, а с ним появляется много личностей, стремящихся к насильственному их разрешению (переворот, революция, заговор). Возникают альтернативы развития, за которыми стоят различные социально-политические силы, представленные персоналиями. И от особенностей этих персон в той или иной степени теперь зависит, куда общество может повернуть.

Третья фаза наступает, когда строй гибнет под влиянием революционного напора. Начиная в такой ситуации разрешать глобальные противоречия, накопившиеся в старой системе, общество ни-

⁷ О вопросах, затронутых в пп. 4 и 5, см. подробнее: Гринин 2007; 2008; 2011.

когда не имеет заранее однозначного решения (именно поэтому здесь вполне уместно говорить о «точке бифуркации»). Какие-то из тенденций, конечно, имеют больше, а какие-то – меньше вероятностей проявиться, но это соотношение под влиянием разных причин может резко измениться. В такие переломные периоды лидеры иногда, подобно добавочным гирькам, способны перетянуть чашу исторических весов в ту или иную сторону. В эти бифуркационные моменты сила личностей, их индивидуальные качества, соответствие своей роли и др. имеют огромное, часто определяющее значение, но в то же время итог деятельности (а следовательно, и истинная роль) личности может оказаться совсем иным, чем она сама предполагала. Ведь после революции и разрушения старого порядка общество предстает аморфным и потому очень податливым к силовым воздействиям. В такие периоды влияние личностей на неокрепшее общество может иметь неконтролируемый, непрогнозируемый характер. Бывает и так, что, получив влияние, лидеры вовсе заводят общества (под воздействием разнообразных личных и общих причин) в направлении, о котором никто не мог и помыслить, «изобретают» небывалую общественную конструкцию.

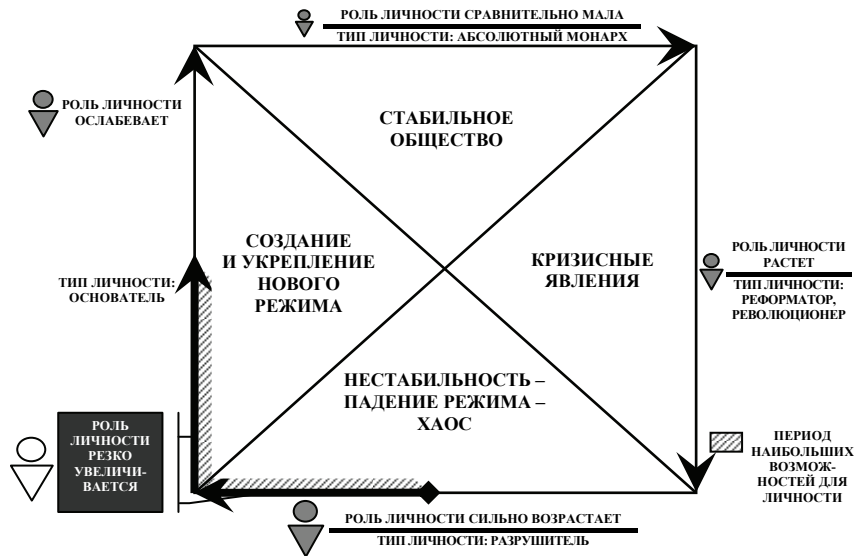
Четвертая фаза наступает при формировании нового строя и порядка. После закрепления у власти какой-либо политической силы борьба нередко происходит уже в стане победителей. Она связана как со взаимоотношениями лидеров, так и с выбором дальнейшего пути развития. *Роль личности здесь также исключительно велика: ведь общество еще не застыло, а новый порядок может определенно связываться именно с каким-то конкретным человеком (вождем, пророком и т. п.).* Чтобы окончательно утвердиться у власти, нужно расправиться с оставшимися политическими соперниками и не допустить роста конкурентов со стороны соратников. Эта продолжающаяся борьба (длительность которой зависит от многих причин) напрямую связана с особенностями победившей личности и окончательно придает облик обществу.

Таким образом, характер новой системы сильно зависит от качеств их лидеров, перипетий борьбы и прочих, порой случайных, вещей. По этой причине *в результате перемен всегда получается не то общество, которое планировалось.* Постепенно рассматриваемая гипотетическая система взрослеет, формируется и приобретает жесткость. Теперь уже во многом новые порядки формируют лидеры. Это афористично выразили философы прошлого: «Когда

общества рождаются, именно лидеры создают институты республики. Позднее институты производят лидеров». Несомненно, что проблема роли личности в истории далека от своего окончательного решения.

Схема

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ УРОВНЕМ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА И СИЛОЙ ВЛИЯНИЯ ЛИЧНОСТИ НА ОБЩЕСТВО

Рекомендуемая литература

Арон, Р. 1993. *Этапы развития социологической мысли*. М.: Прогресс.

Гринин, Л. Е.

2007. Проблема анализа движущих сил исторического развития, общественного прогресса и социальной эволюции. *Философия истории: проблемы и перспективы* / под ред. Ю. И. Семенова, И. А. Гобозова, Л. Е. Гринина (с. 183–203). М.: КомКнига/URSS.

2008. О роли личности в истории. *Вестник РАН* 78(1): 42–47.

2010. Личность в истории: эволюция взглядов. *История и современность* 2: 3–44.

2011. Личность в истории: современные подходы. *История и современность* 1: 3–40.

Лабриола, А. 1960. *Очерки материалистического понимания истории*. М.: Наука.

Плеханов, Г. В. 1956. К вопросу о роли личности в истории. *Избранные философские произведения*: в 5 т. Т. 2 (с. 300–334). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Шапиро, А. Л. 1993. *Русская историография с древнейших времен до 1917 г.* Лекция 28. М.: Культура.

Энгельс, Ф. 1965. Йозефу Блоху в Кенигсберг, Лондон, 21[–22] сентября 1890 г. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 37 (с. 393–397). М.: Политиздат.

Hook, S. 1955 [1943]. *The Hero in History. A Study in Limitation and Possibility*. Boston: Beacon Press.

James, W. 2005 [1980]. *Great Men and Their Environment*. Kila, MT: Kessinger Publishing.

Nowak, L. 2009. Class and Individual in the Historical Process. In Brzechczyn, K. (ed.), *Idealization XIII: Modeling in History (Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities, vol. 97)* (pp. 63–84). Amsterdam; New York, NY: Rodopi.

Дополнительная литература и источники

Бокль, Г. 2007. *История цивилизаций. История цивилизации в Англии*. М.: Директ-Медиа.

Гегель, Г. В. Ф. 1935. *Философия истории*. Соч. Т. VIII. М.; Л.: Соцэргиз.

Гольбах, П. 1963 [1770]. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. *Избр. произв.*: в 2 т. Т. 1. М.: Соцэргиз.

История через личность. Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. М.: Квадрига, 2010.

Кареев, Н. И. 1914. *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*. 2-е изд., с добавл. СПб.: Тип. Стасюлевича.

Карлейль, Т. 1994. *Теперь и прежде. Герои и героическое в истории*. М.: Республика.

Каутский, К. 1931. *Материалистическое понимание истории*. Т. 2. М.; Л.

Кон, И. С. (ред.) 1977. *Философия и методология истории*. М.: Прогресс.

Косминский, Е. А. 1963. *Историография средних веков: V в. – середина XIX в.* М.: МГУ.

Крадин, Н. Н., Скрынникова, Т. Д. 2006. *Империя Чингисхана*. М.: Вост. лит-ра.

- Макиавелли, Н.** 1990. *Государь*. М.: Планета.
- Мезин, С. А.** 2003. *Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.
- Михайловский, Н. К.** 1998. *Герои и толпа: Избранные труды по социологии*: в 2 т. / отв. ред. В. В. Козловский. Т. 2. СПб.: Алетейя.
- Раппопорт, Х.** 1899. *Философия истории в ее главнейших течениях*. СПб.
- Соловьев, С. М.** 1989. Публичные чтения о Петре Великом. В: Соловьев, С. М., *Чтения и рассказы по истории России* (с. 414–583). М.: Правда.
- Толстой, Л. Н.** 1987 (или любое другое издание). *Война и мир*: в 4 т. Т. 3. М.: Просвещение.
- Эмерсон, Р.** 2001. *Нравственная философия*. Минск: Харвест; М.: АСТ.
- Aron, R.** 1948. *Introduction to the Philosophy of History: An Essay on the Limits of Historical Objectivity*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Grinin, L. E.** 2010. The Role of an Individual in History. *Social Evolution & History* 9(2): 148–191.
- Grinin, L. E.** 2011. *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel Publishing House. Ch. 2.
- Hook, S. (ed.)** 1963. *Philosophy and History. A Symposium*. New York, NY: New York University Press.
- Thompson, W. R.** 2010. The Lead Economy Sequence in World Politics (From Sung China to the United States): Selected Counterfactuals. *Journal of Globalization Studies* 1(1): 6–28.
- Woods, F. A.** 1913. *The Influence of Monarchs: Steps in a New Science of History*. New York, NY: Macmillan.